

CENTRAL ASIAN JOURNAL OF LITERATURE, PHILOSOPHY AND CULTURE

eISSN: 2660-6828 | Volume: 04 Issue: 06 June 2023

<https://cajipc.centralasianstudies.org>

Когнитивные Особенности Лексико-Тематических Групп Безэквивалентных Арготизмов Русского Языка

Хонова Дилрабо Баратована

Преподаватель Термезского университета экономики и сервиса

dilraboo.otabek@gmail.com

Received 4th Apr 2023, Accepted 5th May 2023, Online 5th June 2023

АННОТАЦИЯ

Необходимость постановки проблемы вопросов отражения лексико-тематической составляющей безэквивалентных арготизмов следует рассматривать, прежде всего, через варианты в русскоязычной арготической лексики появляющихся в процессе переноса названий одного предмета на другой вследствие общности их функций. Проблема языковой культуры современности, это одна из насущных и главных проблем в языкознании и современной лингвистике. Поэтому исследование функциональных особенностей безэквивалентного арготизма в процессе коммуникации, является перспективным и устанавливает актуальность данной статьи.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА И ВЫРАЖЕНИЯ: арготизм, безэквивалентная арготическая лексика, валидность арготизма, субстандартная лексика, лингвокультурная общность.

Введение. В настоящее время нелитературная лексика употребляется во всех сферах жизни общества представителями разнообразных социальных и профессиональных групп в следствии демократизации общества. Это приводит к тому, что разнообразные нелитературные элементы (сленг, жаргон, арготизм и т.д.) начинают проникать в литературный язык.

Основная часть. Крысин Л.П., ученый-лингвист, активно изучающий культуру речи считает, что одним из основных понятий в литературном языке является категория литературной нормы, так как «Литературная норма как результат не только традиции, но и кодификации представляет собой набор достаточно жестких предписаний и запретов, способствующих единству и стабильности литературного языка» [5].

Для литературной нормы характерны две противоположные тенденции: консерватизм и статичность с одной стороны, и динамика с другой. Таким образом, отступая от традиций, она может включать в себя бывшие нелитературные элементы. Отсюда следует, что литературная норма постепенно разрушается.

По мнению лингвистов, наибольшее воздействие на литературную норму оказывает именно арготизм. В русском языке данные арготизмы являются единицами безэквивалентной лексики. Данный период характеризуется толерантным восприятием криминальной субкультуры законопослушным обществом,

а также часто положительной реакцией на ее различные проявления. Все это приводит к появлению разнообразных теле и радиопередач, посвященных особенностям жизни асоциальных элементов. Такие безэквивалентные слова как *мусор* (полиция), *мент* (полиция) для обозначения хранителя правопорядка в русскоязычной лингвокультуре давно перестали резать слух и не воспринимаются как инородные включения в речи. Наряду с этим многотиражная публикация различных словарей нестандартной лексики все больше повышает интерес к данной тематике [7, с. 81].

Валгина Н.С. пишет, что «Причинами, обусловившими широкое распространение арго являются следующие: во-первых, повышенная криминализация общества вследствие возникновения на рубеже веков многочисленных социальных, политических и экономических проблем, а также всеобщие дезорганизационные процессы, затронувшие духовно-нравственную сферу; во-вторых, валидность арго как механизма отражения процессов, протекающих в современном обществе. Диктуя свою языковую моду, криминальная субкультура позволяет своему языку – арго становится частью повседневного городского быта, уклада жизни» [2, с. 126].

Языковые атрибуты невлиятельных ранее социальных групп (криминальных) приобретают права на активное функционирование вместе с традиционными средствами литературного языка. Вследствие чего арготические выражения прочно в нем закрепляются.

Изучая арготическую безэквивалентную лексику, мы пришли к пониманию того, что арготическое употребляется в целях языковой экономии, для того чтобы подчеркнуть разговорный стиль речи, а также для пробуждения различных эмоций.

Русская нестандартная лексика в отличие от стандартной, как и в других языках, помимо номинативной функции имеет еще прагматическую (когнитивную) функцию, поскольку каждый просторечный дериват не только называет то или иное явление, тот или иной предмет действительности, но обязательно дает им свою оценку как бы со стороны. Хомяков поясняет данный аспект так «Здесь происходит своеобразная конденсация трех компонентов смысловой структуры производного слова: предметнологического значения, экспрессивной коннотации и социального значения» [10, с. 44-49].

Таким образом, арготический дериват способен называть как предмет или реалию, свойственную преступной субкультуре, так и давать им оценку и отражать социальную детерминированность.

Таким образом, по определению Беляева и Хомякова «формирование нестандартных пластов лексики в целом происходит под влиянием тенденций языкового развития, характерных для германской основы» [1, с. 73].

Следовательно, по верному определению Коноплевой И.Н. «источники пополнения арготического словаря в основном представляют собой лексику литературной нормы, с трансформированным значением (переносным)» [4, с. 55-58].

Безэквивалентное арготическое как феномен культуры представляет собой сложное образование, сочетающее в себе целый ряд противоречивых тенденций: тенденцию к закрытости и открытости, к быстротекущей экспрессивности и стабильности и т.п. Подобные антиномии в арготическом могут приводить исследователей к диаметрально противоположным выводам.

Субстандартная лексика, несколько десятилетий назад проникавшая преимущественно в устно-разговорную разновидность литературного языка, обслуживающую, в основном, семейно-бытовую

сферу коммуникации и сферу непринуждённого личного общения, сейчас широко используется в так называемой публичной речи: в программах радио и теленовостей, прямых репортажах, всевозможных ток-шоу, многочисленных отечественных телесериалах и т. п.

Безэквивалентные арготизмы используют в своей речи не только лица, принадлежащие местам не столь отдаленным или молодежь, но и журналисты, артисты, бизнесмены, политики, государственные чиновники, работники правоохранительных органов, что, по-видимому, связано с популистским поведением «публичных» людей, с их стремлением стать своими для неких социальных групп населения.

Но не смотря на массовость сфер употребления коммуникативной арготической лексики, главным образом, данная лексика употребляется в целях языковой экономии, чтобы подчеркнуть разговорный стиль, а также для пробуждения различных эмоций.

Снижение и огрубение речи в современном мире тесно связано с недостаточностью языковой и общей культуры, снижением уровня интеллигентности говорящих и пишущих, низким уровнем языковой и речевой компетенции.

Процесс стилистического снижения и вульгаризации современного языка активно используется также и в современной художественной речи. Так, например, хочется отметить то, что издаются и читаются произведения современных авторов, откровенно ориентированные на вульгарно-сниженную, а то и просто инвективную речь. В то же время возрос интерес ученых к проблемам русской социальной арготической лексики и, в частности, к жаргону. Это связано с проникновением арго в общенародную русскую речь, в результате чего перед лингвистами встала проблема языковой экологии. Важным является изучение функционирования коммуникативных арготизмов в различных системах общенародного языка, а также выработка языковой политики в отношении арготической лексики.

Вопросам нормированного литературного языка в работах лингвистов уделяется большое внимание, так как нормированный аспект культуры речи – один из важнейших в языкознании.

Российский лингвист Грачев М.А. исследовавший русскую арготическую лексику, определяя языковую норму языка писал, что «Языковая норма общественно обусловлена и общественно осознанна. Она неотделима от общества так же, как неотделим от него и сам язык. Через отношение к норме, через осознание ее члены общества проявляют отношение к своему языку вообще. Владея языком как одной из своих неотъемлемых характеристик и своим движением стимулируя его движение, общество проявляет высокую чувствительность к языковой норме как к показателю своей культуры и своего коллективного интеллекта. Как и сам язык, норма претерпевает исторические изменения. В самой норме, внутри, а не вне ее сосуществуют явления устаревающие, уходящие, ограничивающие сферу своего бытования, и явления новые, развивающиеся» [3].

Следует отметить, что другим признаком литературного языка является богатство его выразительных средств, в первую очередь – лексики. На арго, диалектах, просторечье можно общаться почти исключительно на бытовые темы. Культурная, политическая, научная терминология в этих вариантах языка полностью или почти полностью отсутствует. На литературном же языке можно говорить и писать практически на любую тему. В отличие от других вариантов языка, литературный язык способен обслуживать не только бытовую сферу, но и сферу высшей интеллектуальной деятельности. Говоря иными словами, литературный язык полифункционален.

Естественно термин аргос лингвистами, применяется для обозначения совокупности языковых средств (главным образом, особых слов и идиоматических выражений), вырабатываемых членами определенных общественных групп для целей внутригрупповой, часто – тайной коммуникации. «Тот факт, что аргос предназначено для понимания только внутри некоторой ограниченной группы людей, отличает его, с одной стороны, от сленга, т.е. множества выражений, по существу предназначенных для широкого употребления, и, с другой стороны, от жаргона, который хотя и является специальным языком определенного сословия или профессии, однако не ограничен намеренно рамками той или иной специфической группы» [12].

Эффективная организация речевого взаимодействия осуществляется с помощью стратегий и тактик речевого общения. Стратегия речевого общения представляет собой комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативных целей, тактика речевого поведения – это совокупность практических ходов, линии речевого поведения собеседников в реальном процессе речевого взаимодействия.

Речевое поведение человека подчиняется принятым в обществе нормам и правилам, поэтому оно обладает национально-культурной спецификой. Национально-культурная специфика речевого поведения представляет собой своеобразие речевого поведения конкретной лингвокультурной общности, обусловленной ее традициями, обычаями, культурой. В речевом поведении реализуется языковое сознание, которое выступает воплощением народного миропонимания в языковой форме, в языковых стереотипах. Оно отражает те манеры общения индивида, которые определяются языковой, коммуникативной компетенцией, национальной принадлежностью, социально-культурным статусом и психологическими параметрами [63]. Следовательно, речевое поведение играет важную роль в устном спонтанном общении: взаимодействие языковых средств с речевыми действиями, интонацией, разнообразными типами и формами речи, этикетными нормами обеспечивает общение.

Многие безэквивалентные слова-жаргонизмы и арготизмы вошли в общеупотребительный русский язык, или, по крайней мере, их значения известны большинству людей: *бабки, гопник, липа, лопатник, вешать лапшу, ксива, нычка, партак* и так далее.

В статье, мы выделяем несколько лексико-тематических групп коммуникативных арготизмов русского языка, которые имеют разные способы образования.

Первая лексико-тематическая группа арготизмов составляет слова, заимствованные из других языков: бан – вокзал (из немецкого); герундий – ерунда (латинский); гра – лошадь (из цыганского).

Вторая лексико-тематическая группа составляет примеры арготизмов, образованных семантически (то есть путем присвоения обычным словам дополнительного значения): низка – ожерелье, старик – наркоман со стажем, купец – вор, поле битвы – игорный дом, бомбить – совершать ограбление, хавка – еда, медведь – несгораемый шкаф, капуста – деньги, перо – нож, венчаться – быть судимым. А также искаженные слова: барота – работа, киблоко – яблоко и др.

Третью лексико-тематическую составляют арготизмы-глаголы, такие как, например, стукануть – заложить, *вытряхнуть* – ограбить, *дернуть* – вызвать куда-либо, *щелкнуть* – попросить милостыню, и глаголы, не имеющие омонимов в стандартном языке, например: *грушануть* – взломать запоры, *сквозануть* – убежать, *фалонуть* – совершить кражу чемоданов, *дурануть* – обмануть, *всковырнуть* – взломать, *курануть* – обмануть, *хвостануть* – обмануть, прокатит – пройдет не заметно, фартит – везет.

Четвертую лексико-тематическую группу составляют слова причастия, такие как, например, коронованный – вор в законе, *афуфыренный* – выпитый, *кинутый* – обманутый, *отмытый* – оправданный, *ошкуранный* – обыгранный в карты, *разначенный* – открытый, заряженный – в значении дать взятку, или получить взятку, смотрящий – профессиональный преступник, контролирующий определенные сферы деятельности уголовников, битая – профессиональная воровка, заезженная – старая проститутка, пробитая – женщина, лишенная девственности.

Пятую лексико-тематическую группу составляют деепричастия, такие как, например, замочив – убив, отработав – совершив преступление, шестеря – прислужничая, раскумарившись – применив наркотик.

Рассмотрев лексико-семантическую структуру коммуникативной арготической лексики находится в прямой зависимости от мироощущения самих представителей данной субкультуры. Анализ наполнения арготического лексикона с точки зрения предметов и явлений, являющихся социально значимыми, позволяет сделать вывод о том, что арготирующие стремятся дать им свою собственную, оригинальную оценку. При этом, любые пути создания новых слов для обозначения каких-либо специфических реалий, характерных только для криминальной субкультуры, служат, преимущественно, способом выражения индивидуального отношения к ним.

В коммуникативной арготической лексике широко распространено явление синонимии. Синонимические ряды нередко состоят из нескольких компонентов: замочить – заделать – замочить – укоцать – пришить – уговорить в значении убить; бегать – мазать – чистить – мыть – покупать – тырить употребляемы в значении воровать; вложить – завалить – заложить – засыпать – сдать – продать в значении предать; блатарь – блатной человек – жиган – урка в значении профессиональный преступник; погореть – подзалететь – спалиться – попухнуть употребляемы вместо попасться с поличным; крутить – вертеть вола – нажаривать – заливать пушку употребляемы в значении обманывать.

Обогащение русского безэквивалентного арготического лексикона происходит также за счет использования разнообразных словообразовательных механизмов. Для русского языка наиболее продуктивными способами создания новых слов является аффиксация, словосложение, конверсия. Нестандартное комбинирование этих способов иногда приводит к нарушению литературного стандарта, что используется при создании арготизмов и употреблении таких способов как особого стилистического приема.

Так, например, основными чертами арготического словообразования, по мнению в нашей статье выявлены следующие:

1. Коммуникативные арготизмы образованные путем суффиксального образования *-ак, -як, -ач, -арь, -ага, -яга, -уха, -уха, -ник, -ник, -он*. Например: Чувак, пиши маляву на поклон.
2. коммуникативные арготизмы образованные пр помощи суффикса – *щик* – названия лица по совершаемому им действию или по характеризующему предмету», *-ник* – «названия лица по характеризующему предмету», он говорит о скрытой экспрессии: имна на *-арь* – «названия лица по характеризующему его действию, предмету или признаку», приводит ряд «воровских профессионализмов», например *скокарь* – вор-взломщик, действующий на *скок*, т.е. воруемый быстро и без подготовки, *кнокарь* – тот, кто *кнокает*, т.е. наблюдает, стоит на страже, *доскарь* – вор, специализирующийся на краже *досок*, или икон, и другие.

Все другие образования на *-арь* соединяют в себе номинацию лица и его отрицательную оценку, ср.: *звонарь* – тот, кто *звонит*, или доносит; *дубарь* – покойник, или тот, кто *дал дуба*; *духарь* – доносчик, осведомитель, т.е. *дух*; *тихарь* – доносчик, совершающий свою деятельность тайно, или *тихо*.

Глаголы совершенного вида с разговорными суффиксами *-ну*, *-ану* имеют яркую экспрессивную окраску, например: *стукануть* в значении передать информацию, *марануть* в значении убить; *писануть* в значении порезать; *цинкануть* в значении предупредить об опасности.

Таким образом, арготирующие реализуют потребность в выражении конкретных оттенков значения и образности посредством исключительно структурных приемов словообразования.

Среди способов русского коммуникативного арготического словообразования необходимо отметить такую модель как словосложение, которое является одной из основных словообразовательных моделей, по своим структурно-морфологическим параметрам опирающееся на основы литературной нормы. Например, такие коммуникативные арготизмы как, *соковыжиматель* – человек, который на зоне считается бойцом за какую-либо сторону, *жертвоприношение* – на зоне употребляют по отношению к побитой стороне.

Важной функцией, выполняемой арго, является мировоззренческая функция, направленная на классификацию арготизмов согласно с миропредставлением, убеждениями и принципами представителей криминальной субкультуры. Словарь арго в полной мере передает языковую картину мира маргиналов, которые используют все лексические возможности своего языка сугубо в криминальных ситуациях. «Там, где для объяснения постороннему потребовалось бы несколько слов, для своего достаточно, может быть, одного слова. Повседневный лексикон, таким образом, оказывается насыщен значением» [6, с. 397-398].

Все перечисленные функционально-тематические и лексико-тематические группы коммуникативных арготизмов являются основными для национальной культуры речи. Однако необходимо отметить, что существует еще ряд важных функций, раскрывающих взаимосвязь становления и развития арго с закономерностями развития общества. Как считает Шарандина Н.Н., выделяя социальную функцию арго, что «данный социолект проявлением социального символизма, являющегося компонентом данной субкультуры» [11, с. 171]. Например, для криминальной субкультуры характерно «соблюдение социального символизма, т.е. применение и интерпретация в межличностных отношениях. Также, в связи с особенностями мировоззрения преступника, особое значение приобретает своеобразная интерпретация таких понятий как «свобода», «неволя», «правда», «закон» и т.д. Свобода от окружающего мира для преступного сообщества проявляется именно в свободе выбора своих имён для вещей, а арго как специально для этого созданный язык, способствует осуществлению данных интенций. Таким образом реализуется интерпретирующая функция арго» [11, с. 172-173].

Каждая единица такой подсистемы языка как арго употребляется в речи с определенной прагматической целью, находящейся в зависимости не только от предмета высказывания, но и от особенностей самой ситуации общения. Так, Скалин В.Л. пишет: «Под коммуникативной ситуацией мы понимаем динамическую систему, состоящую из четырех групп взаимодействующих факторов: 1) обстоятельств действительности (обстановка), в которых осуществляется коммуникация; 2) отношений между коммуникантами; 3) речевого побуждения; 4) реализации самого акта общения, создающего новые стимулы к речи» [9, с. 3-4].

Заключение. Наличие и количество арготизмов в речи зависит, главным образом, от непосредственной ситуации общения. В связи с трудностью нахождения практического материала в устной речи, нами были проанализированы смоделированные ситуации общения, взятые из кинофильмов, посвященных совершению преступлений, а также описанию жизни заключенных в тюрьме.

Все ситуации общения с использованием аргослов можно разделить на две большие категории: ситуации, связанные с профессиональной деятельностью арготирующих и ситуации, в которых арготирующие хотят сохранить в тайне предмет общения. Первая категория предполагает следующую тематическую направленность диалогов: 1) совершение преступлений. Данная группа ситуаций представлена наиболее широко, т.к. сам смысл существования преступника заключается в совершении противоправных действий.

Список использованной литературы

1. Беляева Т.М. Нестандартная лексика английского языка / Т. М. Беляева, В.А. Хомяков. – Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1985. – С. 73.
2. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке: учебное пособие для вузов / Н.С. Валгина. – Москва: Логос, 2001. – С. 126.
3. Грачев М.А. Русское аргослов. Монография. – Н. Новгород, 1997. [Электронный ресурс]: <https://ronl.org/referaty/inostrannye-yazyki/302743/?ysclid=ifo4ql217c451778310>
4. Коноплева И.Н. Полусуффиксация в английском лексическом субстандарте: ономазиологические характеристики / И.Н. Коноплева // Межвузовский сборник статей по материалам конференций / Отв. ред. Н.В. Шутёмова. – Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2011. – С. 55-58.
5. Крысин Л.П. Языковая норма и речевая практика [Электронный ресурс] / Л.П. Крысин // Отечественные записки. – 2005. – № 2(23). – Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics2/krysin-05.htm>. (дата обращения 20.12.22).
6. Фишер Д.Л. Синтаксис и социальная структура: Трук и Понапе / Д.Л. Фишер // Новое в лингвистике. Выпуск VII. Социолингвистика. – Москва: Прогресс, 1975. – С. 397-421.
7. Саттарова Е. А. Национальное своеобразие языковой картины мира в сопоставлении эвфемизмов русского и узбекского языков // Актуальные научные исследования в современном мире. – 2020. – №. 1-5. – С. 78-82.
8. Саттарова Е. А. Несовместимость эвфемизмов русского и узбекского языков как основное препятствие для лингвокультурологического сопоставления // Проблемы современной науки и образования. – 2020. – №. 7 (152). – С. 63-67.
9. Скалкин В.Л. Речевые ситуации как средство развития неподготовленной речи / В.П. Скалкин, С.Л. Рубинштейн // Иностранные языки в школе. – 1986. – № 4. – С. 2-9.
10. Хомяков В.А. О словообразовательной семантике просторечных дериватов в английском языке / В.А. Хомяков // Проблемы лексической и словообразовательной семантики в современном английском языке. – Издательство Пятигорского государственного педагогического института иностранных языков. – 1986. – С. 44-49.

11. Шарандина Н.Н. О некоторых функциях аргю / Н.Н. Шарандина // Культура речи и образование: сборник материалов регионального научно-методического семинара. – Тамбов: Издательство Першина Р.В. – 2007. – С.171- 177.
12. <https://ronl.org/referaty/inostrannye-yazyki/302743/?ysclid=ifo4ql217c451778310>